

УДК 316.72
ББК 60.523
М 30

Р.А. Марченко,

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «Северо-Кавказский социальный институт», г. Ставрополь, тел.: +79624033882, e-mail: roman933882@yandex.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОБЛЕМНОМ КОРПУСЕ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье содержится анализ основных мифологических паттернов, присутствующих в коллективном сознании россиян, осуществляется компаративистика отечественной и западной социокультурных мифологем. Автор ставит своей целью обнаружить новые возможности демифологизации сознания общества.

Ключевые слова: социокультурная мифологема, общественное сознание, коллективный субъект, стигматизация, социальная реальность, исторический опыт, обыденные речевые практики, менталитет.

R.A. Marchenko,

Post-graduate student of the Department of Social and Humanitarian Sciences, NOUVPO «North-Caucasus Social Institute», Stavropol, ph.: +79624033882, e-mail: roman933882@yandex.ru

MYTHOLOGICAL PATTERNS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY IN A PROBLEM BODY OF SOCIOLOGY OF CULTURE

Abstract. The paper contains analysis of the basic mythological patterns that are present in the collective consciousness of Russians, it also carries comparativism of national and western socio-cultural mythologems. The author aims to find new opportunities of demythologization of the society's consciousness.

Keywords: sociocultural mythologem, social consciousness, the collective subject, stigmatization, social reality, historical experience, everyday speech practices, mentality.

Общим тезисом, предваряющим начало данной статьи, будет тезис об универсальности социокультурной мифологии, ее атрибутивности по отношению к любому типу ментальности и любой общественной системе. Разумеется, если речь идет о наборе мифологем, локализованных массового сознания россиян, то, прежде всего, следует уяснить, о каком типе

сознания идет речь. Наиболее часто встречающаяся дифференциация осуществляется по линии «Восток – Запад», результатом чего стало выделение «западного» и «восточного» типов сознания. Существует огромное количество концептуальных дихотомий, опирающихся на данный подход, примером одной из них может стать приведенная ниже таблица.

Таблица 1

Соотношение «незападного» и «западного» типов ментальности [1; 7]

Характеристики	«Незападный» тип ментальности	«Западный» тип ментальности
«Мерность» мира	Континуальность	Дискретность
Восприятие мира	Холистичность и взаимосвязанность	Аналитичность и атомичность
Тип принятия решений	Интуитивный тип	Рациональный тип
Доминирует среди населения стран	Восточные страны и Россия	Северная Америка и Европа

Разумеется, мы понимаем всю условность и приблизительность подобной дифференциации. Очевидно, что среднестатистический житель российского мегаполиса может оказаться куда ближе по своей ментальности к «западному» типу, чем к «восточному», однако данное разделение обнаруживает свою релевантность по отношению к содержанию глубинных, архетипических структур и компонентов сознания общества.

Если мы попытаемся идентифицировать тип российского общества с точки зрения его субъектности, то таковая будет иметь явную коллективистскую направленность. Дело в том, что все существующие на сегодняшний день типы социумов условно можно разделить на две категории: коллективистские и индивидуалистические. Иными словами, среднестатистический россиянин обладает ярко выраженным коллективистским сознанием, мыслящим себя в понятиях этатистской, социокультурной общности. Любые оценки социально-экономической, геополитической и иных сфер оказываются преимущественно наделенными коллективистской тональностью, при которой «Я» заменяется на «Мы». При этом индивид ни ментально, ни дискурсивно не выделяет себя из тотальности гомогенной массы, не испытывает ощущения автономии от макросоциума в целом. Соответствующий настрой находит свое косвенное отражение в речевых

практиках повседневности, оперирующих такими характерными выражениями как: «власть не обращает на нас внимания», «наши проблемы никого не волнуют», «нам этого не надо», «Запад нам угрожает», «нам этого не нужно». Примечательно, что коллективистские интенции никак не связаны типом общественно-политического сознания, а имеют универсальную привязку ко всем вышеобозначенным типам. Так, либеральный дискурс изобилует такими холистическими понятиями как «этот народ», «эта страна», «этот режим» и т.п.

Можно сказать, что каждый россиянин представляет себе существование некоего коллективного субъекта, с которым он осуществляет взаимодействие, находится во внутреннем диалоге, оценивает его активность. Данный коллективный субъект осуществляет определенные действия, принимает решения, совершает правильные или ошибочные поступки. Он является мифологизированным персонажем, чье существование, тем не менее, воспринимается как вполне реальное. Даже в том случае, если данный персонаж имеет все признаки персонификации, то и он будет весьма условным. В массовом сознании присутствует условный «Путин», «Сталин», «Брежнев» и т.п. Понятно, что выражения «Сталин выиграл войну», «Брежнев снизил цены», «Путин задушил демократию» не имеют ничего общего как с действительно существовавшими

или существующими реалиями, так и реальными действиями указанных политиков. Действия лидера воспринимаются в модусе его всевластия, свободного от детерминации объективных обстоятельств. Так, например, повышение или снижение доходов населения, как правило, объясняется желанием или отсутствием такового у политического лидера.

Массовое сознание россиян преимущественно является сознанием, выражаясь языком схоластической философии, реалистическим и представляет собой альтернативу западноевропейской номиналистической ментальности. Для западного человека не существует власти вообще, но власть конкретного политического деятеля или партии. Он не говорит «они о нас не заботятся», предпочитая конкретику – «мой работодатель снизил мне заработную плату». Это отнюдь не означает отсутствие на Западе своей собственной социокультурной мифологии, а лишь то, что эта мифология имеет существенные содержательные различия.

В сознании любого общества действуют свои собственные механизмы противодействия его мифологизации. В этом смысле коллективное сознание россиян гораздо слабее защищено от проникновения в него и закрепления там мифологического контента. Наш вывод опирается на эмпирически очевидный факт, согласно которому их социальная онтология формируется не рационалистически, а скорее эмоционально.

Сталкиваясь с той или иной жизненной проблемой, граждане России предпочитают, в своей массе, искать ее аналоги в прошлом и интуитивно вырабатывать соответственное к ней отношение. А поскольку ретроспективная составляющая массового сознания также предельно мифологична, то и указанная проблема автоматически получает мифологическую стигматизацию.

В этом случае на характер решения проблемы влияют не столько аргументы рационалистического порядка, сколько виртуальный контент мифологемы. Зачастую принятие той или иной позиции зависит от суммы условностей, в числе которых ее соотнесение с определенными параметрами доминантного социокультурного мифа, соблюдение норм социального ритуализма, следование мифосодержащим императивам и таким же нормам табу.

Мифологические паттерны общества во многом формируются теми глубинными представлениями, которые присутствуют в структуре общественного сознания. Речь, в данном случае, идет о таких подделах последнего как политическое, экономическое и идеологическое сознание. Применительно к России подобный паттерн определяется следующими императивами и представлениями:

1. Политическое сознание:
  - соборность;
  - унитаризм;
  - вертикально выстроенная власть;
  - наличие «сильного» лидера;
  - консолидированная общественная позиция по основным вопросам жизнедеятельности общества;
  - лояльность;
  - декоративный характер любых форм оппозиционности (парламентаризм, пресса, политические и общественные движения и проч.).
2. Экономическое сознание:
  - символическое превосходство государственной собственности над частной;
  - приоритетность государственной службы по отношению к иным формам трудовой деятельности;
  - одобрение использования нерыночных подходов в народном хозяйстве;
  - осуждение чрезмерного богатства;
  - отрицания возможностей для некриминального обогащения;

– существование некоего центра, влияющего на экономические процессы (президент, мировая закулиса, Условный «Запад», олигархи и т.п.).

3. Идеологическое сознание:

– артикулированный патриотизм;

– ценности коллективизма;

– прагматические ориентиры как регулятивы социальной практики;

– эгалитаризм;

– паттернализм.

Попытки построить успешную и, главное жизнеспособную, модель общества, вне опоры на мифологический контент массового сознания, его архетипическую составляющую не просто оказываются обреченными на неудачу, но и не могут существовать сколь-нибудь исторически продолжительный отрезок времени. Подтверждением сказанного являются неудачные попытки социального реформирования российского общества в 90-е годы прошлого столетия, не получившие не столько материально ощутимой поддержки со стороны последнего, сколько своего морально-этического, экзистенциального признания.

Мифологические паттерны не могут существовать сам по себе в отрыве от социокультурного фундамента общества. Основой его существования выступает коммуникация, в процессе которой происходит постоянное воспроизводство той или иной социокультурной мифологемы. Выпадение субъекта социальной практики из конкретного коммуникативного пространства, происходящее в течение длительного времени, влечет за собой и изменение содержания социокультурного мифа, который начинает трансформироваться внутри себя, прирастая элементами мифологии атрибутивными по отношению к текущему коммуникативному процессу. Если мы представим себе человека, надолго изолировавшего себя от коммуникативной и медий-

ной среды своего места обитания, то с высокой степенью вероятности можем утверждать, что он постепенно утратит зависимость от мифологического «эгрегора» своего социума. Более того, мы знаем массу примеров, когда участие в процессе горизонтальной мобильности влекло за собой изменение ментальности мигранта, по своему характеру связанное с адаптацией к новым социокультурным реалиям. Какой бы трудной и болезненной ни была ассимиляция, она в любом случае заканчивается, как минимум, перестройкой, а как максимум – полным вытеснением многих, ранее усвоенных мифологизированных представлений.

Одновременно мы можем сделать вывод о зависимости конкретного мифологического контента не только от параметров культуры, типов менталитета или содержания исторического сознания, но также и от факторов сугубо материального порядка. Научно-техническое, производственно-экономическое измерение общества, равно как продуцируемые данным измерением артефакты, обладают сильнейшим влиянием на массовое сознание с точки зрения характера его мифологизации. Так, если в развитых социумах доминирует технократическая, постиндустриалистская, глобалистски окрашенная мифология, то в обществах традиционалистской направленности, мы имеем дело главным образом с мифологемой исключительности, избраннычества и вождизма. Еще одной особенностью социокультурной мифологии традиционных обществ является ее мобилизационная артикулированность. При этом следует отметить, что зависимость типа мифологемы от факторов материального порядка имеет диалектический, обоюдный характер. Как в архаическом обществе невозможно инновационное развитие, точно так же в нем трудно представить и существование технотронного

мифа. В лучшем случае это будет некий мифосодержащий паллиатив, идея которого наглядно продемонстрирована разнообразными «карго – культурами».

Современное массовое сознание россиян обнаруживает свою погруженность в ту социокультурную мифологию, которую можно отнести к корпусу советской мифологии. В данном случае мы имеем дело не просто с идеализацией прошлого, но с мифологизацией его конкретного периода, пришедшего на время существования советской власти. Эта разновидность мифа полностью победила по своей привлекательности мифологию дореволюционной России, пик развития которой пришелся на 1980–1990 гг. Косвенным признаком указанной победы стал перенос акцентов в кинематографической продукции с таких фильмов как «Россия, которую мы потеряли» на фильмы, посвященные героизации советского периода. Такого рода тенденция в полной мере укладывается в логику коллективистского сознания россиян и ценности коллективизма.

Характерно, что наибольшую склонность к мифологизации указанной эпохи демонстрируют не представители старшего поколения, с их естественной ностальгией по годам своей юности, а молодежь, которая лишена негативной исторической памяти и, тем самым, имеет в своем сознании идеальную мифологическую модель. Так, например, если советская ментальность имела ярко выраженный интернационалистский характер, то ее модернизированный прообраз содержит в себе серьезный компонент предубежденности по отношению к народам бывшего Советского Союза.

Одновременно актуализация так называемого «советского мифа» в коллективном сознании россиян представляется нам определенной защитной реакцией на вызовы внешней среды. Дело в том, что за десятилетия, прошедшие со вре-

мени падения социалистического строя, у россиян так и не сформировалась полноценная целостная идентичность на уровне суперэтнуса. Та часть наших сограждан, которая не нашла себя в процессе либеральных рыночных преобразований и не смогла воспользоваться их результатами, попросту не может выступать носителем либеральных ценностей и обладать идентичностью космополитизма.

Другая категория сторонников советской мифологии оказалась мотивированной фактом геополитического поражения СССР и восприятием себя в качестве жертвы противостояния с Западом. К этой категории относятся не только экономические аутсайдеры, но и люди вполне состоятельные, для которых важно осознание принадлежности к великой державе, пользующейся авторитетом и влиянием в мире.

Сюда же можно включить и тех, кто в свое время поддержал отказ от ценностей и императивов социализма и выступил против советской модели государственности, но впоследствии разочаровался в реалиях капитализма, оказавшихся весьма далекими от коллективных ожиданий. Психологическая травма от «шоковой экономики» начала 90-х годов оказалась слишком глубокой, что позволило ей сохраниться в исторической памяти российского социума.

Параллельно с «советской» социокультурной мифологией в современной России существует и противоположная мифология, оценивающая советскую историю с отрицательным знаком. Одним из измерений «антисоветского» мифа является антропологическое измерение. В рамках этой мифологии постулируется продуцирование советской властью особого антропологического типа личности, которая позиционируется как ущербная, лишенная способности к самостоятельному критическому мышлению, исповедывающая ценности

патернализма и не нуждающаяся в личной свободе.

Как правило, любая мифологизация общественного сознания одновременно предполагает и его стигматизацию. Пространство социокультурного мифа – это не только пространство национально-превосходства, но и пространство «ущербности», неполноценности, комплексов и фобий. В этой связи, мы видим свою задачу в исследовании того, чем является стигматизированный сектор сознания современного российского социума.

Анализ многочисленных источников, посвященных проблематике стигматизированного сознания россиян, передает самоощущение последних, связанное с переживанием несправедливости мироустройства, а также того неподобающего места, которое, как представляется отведено им в этом мироустройстве. Речь, как нам представляется, может идти об особом рода социальной онтологии, построенной на образе чужого, идее антироссийского мирового заговора концепте несправедливости.

В массовом сознании укоренилось сохранившееся с эпохи «холодной войны» представление о наличии внешней военной угрозы, представление, чья устойчивость стабильно сохранялась даже в самые благоприятные периоды внешнеполитических отношений России с другими странами. Примечательно, что данная установка коллективного сознания имеет не столько конструктивистский характер, сколько сама влияет на построение разнообразных социально-политических конструкций. Так, например, тема внешней угрозы активно артикулировалась в советском официальном дискурсе, обеспечивая ему априорную поддержку со стороны общества. Во время перестройки и ранний постсоветский период соответствующую апелляцию к мифологеме внешней угрозы осуществляли, главным об-

разом, оппозиционные силы, что не в последнюю очередь обеспечивало им народную поддержку. Современные властные структуры вновь увидели в архетипе внешней опасности инструмент консолидации общества на принципах лояльности к государству.

Другой разновидностью мифологии внешнего вызова выступают экономически окрашенные фобии, состоящие в представлениях о якобы несправедливом распределении мирового ВВП, эксплуатации одних стран другими, заговоре банкиров и олигархов. Таким образом, можно говорить о полноценном «экономическом» сегменте этнокультурной мифологии. Последняя, к слову сказать, имеет собственную длительную историю. Ее советская версия строилась на представлениях о сверхдоходах жителей южных республик, с появлением кооперативного движения возникла мифологема «врагов народа» – кооператоров, в условиях глобализации субъектами «экономического» мифа стали транснациональные бизнес-структуры.

Мифологизированное сознание российского общества не видит противоречия в использовании благ западной цивилизации и критике тех механизмов, благодаря которым эти блага превратились в общедоступные. Примером сказанного может стать миф о лучшем в мире российском образовании, которое подвергается деструктивному воздействию влияния извне. Европейскую образовательную модель принято считать примитивной, бездушной, лишенной живого человеческого начала, чрезмерно формализованной и технологичной. Вербальное выражение формулы «образовательного» мифа мы встречаем у С.А. Кравченко. «Большие лекционные потоки, – пишет указанный автор, – использование технологий без человеческого фактора для контроля за знаниями учащихся, минимальные контакты между

преподавателями и учащимися, дистанционное обучение, – все это неизбежно воспроизводит иррациональную рациональность и социальные практики, умаляющие ценность человека как личность» [2; 31].

Самостоятельную разновидность современного социокультурного отечественного мифа представляет собой миф о глобализации. Как правило, массовое сознание видит угрозу глобализации в разрушении существующей идентичности, традиционной культуры, обезличивании и унификации российских этносов. Характерно ожидание наступления разрушительных последствий научно-технического прогресса. Предметом критики становятся инструменты глобализации, такие как масс-медиа и Интернет. Мифологизированное сознание изначально ориентировано на артикуляцию негативных последствий свободного обмена информацией, не замечая их очевидных преимуществ. Подчеркивается уязвимость традиции по отношению к инновациям. В контекст глобалистского мифа включены и «вызовы» традиционным религиозным системам, хотя, как показывает практика, все без исключения доминантные конфессии весьма охотно используют потенциал глобализации при осуществлении своей деятельности.

Начиная с эпохи «перестройки», особое место в продуцировании мифологического контента заняли отечественные СМИ. Жанр, в котором была исполнена их продукция, получил образное название «чернухи», которое возникло в глубинах народного сознания. Произошел перенос акцентов с позитивного информирования граждан к подаче прямо противоположной информации. Сознание общества оказалось в положении «уязвимости» (П.А. Сорокин), при котором в последнем началось формирование того, что Сорокин называл «утопической ментальностью».

Говоря о структуре российской социокультурной мифологемы, сле-

дует указать ее слабо дифференцированный характер. Мы сталкиваемся с одними и теми же элементами мифологического сознания и у представителя топ-менеджмента, и у простого рабочего. В России мифологический конструкт лишен адресности по отношению к конкретной референтной группе. Если в сознании европейского общества каждая социальная, а то и профессиональная, группа является носителем только ей присущей мифологемы, то отечественном социуме одни и те же мифологические установки склонны разделять представители самых разных страт.

Наиболее наглядным индикатором слабой индивидуализированности социокультурного мифа является практически полное отсутствие коррелятов между политическими воззрениями и их мифологической окрашенностью. Левое, коллективистское сознание присуще, хотя и в разной степени, всему обществу в целом. Можно со всей убежденностью утверждать, что мифологема «американской мечты», разделяемая североамериканским рабочим, предопределяет поддержку последним «правых» политических ценностей в большей степени, чем крупным отечественным бизнесменом, подсознательно впитавшим мифологему «соборности». «Средний российский топ-менеджер, – отмечают Т.Е. Хавенсон и Е.В. Миголь, – более левонастроен, чем американский или немецкий рабочий, хотя внутри российского общества топ-менеджмент – это группа, находящаяся на правом полюсе, а рабочие представляют собой левоориентированный слой населения» [3; 70–71].

Таким образом, гетерогенной социокультурной мифологеме Запада противостоит гомогенный мифологический конструкт России. Элементы первой отличаются большей мобильностью в противовес стационарному отечественному социокультурному мифу. Если на Западе мы видим прямую корреляцию

между носителем конкретного мифологического сознания и его стратификационной принадлежностью, то в нашем обществе такие коррективы невозможно зафиксировать социологически. Причиной этого может стать то, что отечественный коллективный социальный актор не только сам сформировался в условиях социалистической, то есть коллективистской парадигмы, но и распространил императивы этой парадигмы на те поколения, которые непосредственно не располагали специфическим советским опытом.

Примечания:

1. Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социс. 2012. № 8. С. 3–13.
2. Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социс. № 2. 2015. С. 29–38.
3. Хавенсон Т.Е., Миголь Е.В. Социально-профессиональный статус и политические ценности России, Германии, США (сравнительный анализ) // Социс. № 9. 2011. С. 70–71.

References:

1. Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G. Types of mentality and institutional matrices: a multidisciplinary approach // Sotsis. No. 8. 2012. P. 3–13.
2. Kravchenko S.A. Bridges, connecting various separations of sociology for a more equal world // Sotsis. No. 2. 2015. P. 29–38.
3. Havenson T.E., Migol E.V. Socio-professional status and political values in Russia, Germany, USA (comparative analysis) // Sotsis. No. 9. 2011. P. 70–71.